

19/22

ПРЕПРИНТЫ

И. В. Стародубровская
Д. А. Ситкевич

**АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ АДАПТАЦИИ
СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ МИГРАНТОВ
В МЕГАПОЛИСЕ
(НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
(РАНХиГС)

ПРЕПРИНТ
(НАУЧНЫЙ ДОКЛАД)

по теме:

**АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ АДАПТАЦИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ МИГРАНТОВ
В МЕГАПОЛИСЕ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)**

Стародубровская И.В., ведущий научный сотрудник Центра региональных исследований
и урбанистики ИПЭИ, к.э.н., 0000-0002-7073-5905, irinastar@gmail.com

Ситкевич Д.А., научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики
ИПЭИ, к.э.н., 0000-0002-6498-1747, dasitkevich@gmail.com

Москва 2022

Аннотация.

Актуальность вопроса: Миграционные процессы во многом определяют лицо современного мира. Их результаты ведут к серьезным проблемам межкультурной коммуникации, успешные подходы к решению которых до сих пор не выработаны. Попытки государств как проводить политику ассимиляции, так и внедрять принципы мультикультурализма, во многих случаях не дают позитивного эффекта.

Предмет исследования: Стратегии адаптации северокавказских мигрантов в Санкт-Петербурге

Цель работы: анализ процессов адаптации северокавказских мигрантов к социальной и культурной среде мегаполиса, а также выявление факторов, влияющие на его успешность.

Научная новизна препринта заключатся в описании инокультурной внутренней миграции в России с точки зрения различных миграционных теорий.

Методы исследования: Обзор имеющихся в литературе миграционных теорий, полевое исследование в Санкт-Петербурге.

Основные результаты: Проведенное полевое исследование в Санкт-Петербурге показало, что рассматриваемые теории обладают разным объяснительным потенциалом для анализа процессов адаптации уроженцев республик Северного Кавказа в мегаполисе. Так, концепция стратегий аккультурации Дж. Берри, хотя и оказалась достаточно грубым инструментом анализа, позволила охарактеризовать имеющиеся различия между адаптацией северокавказских мигрантов первого и второго поколения. Теория трансмиграции также выявила свою продуктивность, в частности для описания существующих связей между мигрантскими сообществами мегаполиса и регионами выбытия, а также для определения дизайна этнических сетей. В то же время теория сегментной ассимиляции в ее классическом виде оказалась неприменима – как из-за невыявленности местных протестных контркультур, которые могли бы восприниматься мигрантами, так и из-за отсутствия ярко выраженной проблемы «второго поколения». При этом полевое исследование продемонстрировало, что мигранты могут адаптироваться в мегаполисе через специфические культурные среды, не являющиеся контркультурными – например, спортивные или исламские. И подобные механизмы встраивания в город несут как определенные выгоды, так и свойственные им риски.

Выводы: Переезжающие в Санкт-Петербург уроженцы Северного Кавказа могут использовать различные стратегии адаптации в городе – как в городской мейнстрим, так и в специфичные культурные среды (но не в контркультуры). При это в отдельных случаях наблюдаются также процессы сепарации мигрантов от городского сообщества.

Ключевые слова:

Урбанизация, миграция, адаптация, Северный Кавказ, Санкт-Петербург

Коды JEL Classification

J15, J61, R23

RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION (RANEPA)

PREPRINT
(SCIENTIFIC REPORT)

ANALYSIS OF THE PROCESSES OF ADAPTATION OF THE NORTHERN CAUCASIAN MIGRANTS IN THE MEGAPOLIS (EVIDENCE FROM ST. PETERSBURG)

Statodubrovskaya Irina V., senior researcher, Center of Regional Studies and Urban Studies, Ph. D. (Economics), ORCID 0000-0002-7073-5905, irinastar@gmail.com

Sitkevich Daniil A., researcher, Center of Regional Studies and Urban Studies, Ph. D. (Economics), ORCID 0000-0002-6498-1747, dasitkevich@gmail.com

Moscow 2021

Abstract.

Relevance: Migration processes largely determine the face of the modern world. Their results lead to serious problems of intercultural communication, and successful approaches of solving them have not yet been developed. Different attempts both to pursue a policy of assimilation and to introduce the principles of multiculturalism often do not have a positive effect.

Subject of research: Adaptation strategies of Northern Caucasian migrants in St. Petersburg.

The purpose of this work is to analyze the processes of adaptation of Northern Caucasian migrants to the social and cultural environment of the metropolis, as well as to identify factors affecting its success.

The scientific novelty of the preprint will consist in the description of foreign cultural internal migration in Russia from the point of view of various migration theories.

Research methods: Review of migration theories available in literature, field research in St. Petersburg.

Main results: A field study conducted showed that the theories under consideration have different explanatory potential for analyzing the processes of adaptation of Northern Caucasians in the metropolis. Thus, the concept of acculturation strategies, although it turned out to be a rather crude analysis tool, allowed us to characterize the differences between the adaptation of Northern Caucasian migrants of the first and second generation. The theory of transmigration has also revealed its productivity, in particular for describing the existing links between migrant communities of the metropolis and the regions of departure, as well as for determining the design of ethnic networks. At the same time, the theory of segmental assimilation in its classical form turned out to be inapplicable – both because of the lack of local protest countercultures that could be perceived by migrants, and because of the absence of a pronounced problem of the "second generation". At the same time, the field study demonstrated that migrants could adapt to the metropolis through specific cultural environments that are not countercultural – for example, sports or Islamic communities. These mechanisms of embedding in the city carry both certain benefits and inherent risks.

Conclusions: Natives of the North Caucasus moving to St. Petersburg can use various adaptation strategies in the city - both in the urban mainstream and in specific cultural environments (but not in countercultures). At the same time, in some cases, there are also processes of separation of migrants from the urban community.

Keywords:

Urbanization, migration, adaptation, Northern Caucasus, St. Petersburg

JEL Classification Codes:

J15, J61, R23

Оглавление

Введение.....	6
1. Теоретические основы исследования процессов адаптации мигрантов.....	8
2. Основные траектории адаптации северокавказских мигрантов в Санкт-Петербурге.....	17
Заключение.....	25
Благодарность.....	27
Список литературы.....	28

Введение

Миграционные процессы во многом определяют лицо современного мира. Их результаты ведут к серьезным проблемам межкультурной коммуникации, успешные подходы к решению которых до сих пор не выработаны. Попытки государств как проводить политику ассимиляции, так и внедрять принципы мультикультурализма, во многих случаях не дают позитивного эффекта. В этих условиях исследование миграционных процессов приобретает особую актуальность. Во всем мире активно изучаются характеристики миграционных потоков, вопросы расселения мигрантов, характер их занятости.

Особое место среди мигрантских исследований занимают проблемы адаптации и интеграции мигрантов в новую для них среду, в которой они оказываются в результате переезда. Именно от успешности этих процессов во многом зависят перспективы конфликтности и возможности динамичного развития принимающих мигрантов сообществ. Проблемы адаптации мигрантов в мегаполисах занимают особое место. Именно здесь социальная и культурная среда с ее анонимностью, автономией личности, многообразием субкультур наиболее сильно отличается от того, что привычно для мигрантов из более традиционных обществ. С одной стороны, это может вызывать реакцию неприятия и отторжения. С другой стороны, отсутствие контроля со стороны общины создаёт ощущение вседозволенности и может провоцировать поведенческие эксцессы. Поэтому исследование процессов адаптации мигрантов в подобных условиях имеет особое значение.

Российские миграционные исследования так или иначе затрагивают данные проблемы. Однако, во-первых, обычно они носят либо описательный, либо теоретический характер. Не так много работ строят теоретические обобщения на основе полевых исследований. Во-вторых, основным объектом внимания в них являются внешние мигранты. Между тем исследование внутренней миграции может дать важную дополнительную информацию для понимания процессов адаптации. Здесь именно адаптация к социальным и культурным нормам принимающего сообщества выходит на первый план, поскольку мигранты в основном не имеют языкового барьера и не должны преодолевать бюрократические препоны, с чем сталкиваются неграждане.

Целью данного исследования является анализ процессов адаптации северокавказских мигрантов к социальной и культурной среде мегаполиса, а также выявление факторов, влияющие на его успешность. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- 1) проанализировать варианты решения возникающих в ходе адаптации проблем; выявить институциональные структуры, на которые опираются мигранты в ходе адаптации в мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга);

2) обобщить результаты, полученные в ходе полевого исследования, используя (или разработав) теоретические модели, которые характеризуют логику и результаты процессов адаптации.

Гипотезы исследования заключаются в том, что:

1) И теория аккультурации мигрантов, и модель сегментной ассимиляции, и теория трансмиграции являются подходящими инструментами для изучения внутренней инкультурной миграции.

2) .Для северокавказских мигрантов в Санкт-Петербурге характерно разнообразие возможных траекторий адаптации в городе.

1. Теоретические основы исследования процессов адаптации мигрантов

В данном обзоре будут рассмотрены несколько популярных на настоящий момент теорий, инструментарий которых активно используется в миграционных исследованиях, а именно модель аккультурации мигрантов, разработанная известным канадским психологом Джоном В. Берри; модель сегментной ассимиляции, а также подход к адаптации мигрантов с точки зрения теории трансмиграции или транснационализма.

Начнём изложение с описания теории аккультурации Дж. Берри. Берри в первую очередь ведёт речь об аккультурации, которая, в его понимании, является процессом «культурных и психологических изменений, которые происходят в результате контакта между двумя или более культурными группами и их отдельными членами» [1: 10]. Аккультурация оказывает воздействие на все группы, вовлечённые в культурный контакт, но в большей мере - на те группы, которые не занимают доминирующего положения в обществе [2].

Наиболее известная часть исследований Берри связана с анализом альтернативных стратегий аккультурации мигрантов. В работе «Аккультурация», содержащей краткое изложение основных выработанных им подходов к данному вопросу, Берри демонстрирует, как развивалось его понимание данных стратегий [1]. Изначально, когда возникла проблема анализа аккультурационных предпочтений австралийских аборигенов, он стремился выявить эти предпочтения, основываясь на ответах на три вопроса:

- насколько аборигены стремятся к поддержанию и передаче своей культуры и идентичностей;
- насколько они стремятся поддерживать контакт и участвовать в жизни всего австралийского общества;
- насколько они способны выбирать и реализовывать свои предпочтения.

Стратегию, предполагающую положительные ответы на два первые вопроса, Берри назвал интеграцией, однако в случае положительного ответа на третий вопрос эта стратегия самостоятельно выбирается культурной группой (Берри называет ее демократическим плюрализмом), а в случае отрицательного ответа она зависит от позиции доминирующей группы (патерналистская интеграция или инклюзивная сегрегация). В случае положительного ответа на первый вопрос (поддержание прежней идентичности) и отрицательного - на

второй (желательность культурного контакта), стратегия является добровольной либо навязанной сегрегацией, в зависимости от того, насколько группа способна отстаивать свою позицию. Если на первый вопрос даётся отрицательный ответ, а на второй - положительный, то речь идёт о стратегии ассимиляции, либо осуществляющейся комфортным для меньшинств темпом (плавильный котёл), либо реализующейся под давлением (Берри в данном случае использует образ скороварки). Наконец, стратегии, связанные с отрицательным ответом на оба первые вопроса, Берри назвал «маргинальность» (добровольная) и «декультурация» (вынужденная).

Впоследствии Берри несколько видоизменил свою модель, и более привычный ее вид, включаемый им практически во все свои публикации [1; 2; 3; 4] состоит из двух блоков:

- 1) стратегии аккультурации культурных групп (речь в данном случае идёт о недоминирующих группах);
- 2) стратегии общества в целом (то есть доминирующей группы или групп).

Стратегии аккультурации культурных групп различаются в зависимости от того, ориентированы ли они на свою группу или на другие группы, то есть, иными словами, стремятся ли эти группы поддерживать доставшиеся им в наследство культуру и идентичности либо предпочитают контактировать и участвовать в жизни всего общества наряду с другими этнокультурными группами. Для недоминирующих групп Берри выделяет четыре подобные стратегии:

- ассимиляция: отсутствует стремление поддерживать собственную культурную идентичность, предпочтение отдаётся активному взаимодействию с другими культурами;
- сепарация: противоположная стратегия, предполагающая стремление избежать контакта с другими культурами и поддерживать ценности собственной культуры;
- интеграция: и сохранение собственной культуры, и контакт с другими культурами представляют интерес;
- маргинализация: сохранение собственной культуры не представляет интереса (обычно при насильственной потере культуры), но отсутствует и стремление к культурному контакту (обычно в результате эксклюзии или дискриминации).

В то же время мигранты не полностью свободны в выборе той или иной стратегии аккультурации, они оказываются зависимыми как от стратегии доминирующей группы, так и от стратегий других членов собственной культурной группы. Тем самым стратегии доминирующей группы играют важную роль в аккультурации недоминирующих культурных групп. Однако эти стратегии отвечают не на вопрос «что мы должны делать?», а на вопрос «что они (мигранты, меньшинства) должны делать?». Берри также выделяет здесь четыре стратегии. Если доминирующая группа ориентирована на ассимиляцию недоминирующих культурных групп, такая стратегия названа им «плавильный котёл» (превращающийся в «скороварку», если ассимиляция жестко навязывается). Когда доминирующая группа требует и реализует на практике сепарацию - это стратегия сегрегации. Маргинализация, навязываемая доминирующей группой, превращается в эксклюзию. Наконец, когда поддержание культурного многообразия является целью общества - это мультикультурализм, и он необходим для реализации стратегии интеграции. В этом случае общество должно приспособить свои национальные институты (образование, здравоохранение, рынок труда) к потребностям отдельных культурных групп, сосуществующих в плюралистическом обществе. Стратегии интеграции и сепарации предполагают также, что другие члены соответствующей культурной группы разделяют стремление сохранять своё культурное наследие.

Теория аккультурации Берри используется для проведения количественных исследований, позволяющих оценить стратегии мигрантов по вписыванию в принимающее сообщество. В качестве примера можно привести международное исследование иммигрантской молодежи, проведённое в 13 странах, принимающих миграционные потоки [5]. Исследование выявило, что как среди иммигрантской молодежи во всех странах и этнических группах, так и среди подростков - коренных жителей рассматриваемых стран - наиболее предпочтительной стратегией является интеграция, при этом поддержка интеграции мигрантов среди местных ниже, чем среди приезжих. На втором месте среди стратегий иммигрантской молодежи находится сепарация, однако ее поддержка существенно ниже, чем поддержка интеграции. Более того, для некоторых мигрантских групп сепарация оказалась на третьем месте, после ассимиляции. В частности, это характерно для вьетнамцев в четырёх исследуемых странах. Среди местных подростков сепарация (в данном случае сегрегация) менее популярна, чем среди иммигрантов, и находится на третьем месте после ассимиляции. Ассимиляция в целом заняла третье место среди иммигрантской молодежи и второе - среди местных подростков, при этом данная стратегия гораздо более существенно поддерживается местными, чем приезжими. Маргинализация является наименее популярным выбором как среди иммигрантской, так и местной молодежи, однако местные поддерживают ее

больше, чем приезжие. Стратегия сепарации в большей мере поддерживается теми, кто приехал недавно, а также теми, кто проживает в этнически однородных районах. Последние также в меньшей мере привержены стратегии интеграции. В то же время сепарация менее популярна у подростков, родители которых занимают высокое социально-экономическое положение.

Существуют также исследования, использующие методологию Берри применительно к мигрантам из Северного Кавказа. Так, согласно исследованию живущих в Москве молодых ингушей, чеченцев и дагестанцев [6], стратегия интеграции для северокавказских мигрантов воспринимается как более предпочтительная по сравнению со стратегией ассимиляции или сепарации. Более того, «чем больше социальный контекст воспринимается мигрантами из республик Северного Кавказа как инклюзивный, тем большее предпочтение отдается стратегии интеграции и меньшее – стратегии сепарации» [6: 135]. В исследовании также были выявлены различия между демографическими и социальными группами – женщины и более образованные мигранты скорее предпочитают стратегию интеграции. Уровень образования, степень удовлетворенности жизнью и продолжительность жизни в Москве также положительно связаны с уровнем социокультурной адаптации, которая оценивается через вопросы о том, насколько трудно мигрантам совершать действия, «которые встречаются в повседневной жизни в принимающем обществе» [6: 130].

Ещё одна популярная на сегодняшний день и вызывающая активные дискуссии теория, анализирующая поведение мигрантов - это теория сегментной ассимиляции. Она была впервые предложена А. Портесом и М. Чжоу [7] в 1993 году. Основная идея, вокруг которой строились теоретические конструкты, связанные с сегментной ассимиляцией, состоит в том, что ассимиляция второго поколения мигрантов может происходить по-разному. Молодые потомки мигрантов могут встраиваться не только в мейнстрим американского общества, реализуя тренд восходящей мобильности, но и в контркультурные слои, отвергающие ценности образования и карьерного продвижения, в результате чего могут, вопреки чаяниям своих родителей, не только не продвинуться по социальной лестнице, но и испытать нисходящую мобильность, пополнив ряды люмпенов. Противостоять подобной траектории ассимиляции может сильное этническое мигрантское сообщество, продолжающее оказывать поддержку и осуществлять контроль за вторым поколением мигрантов. При наличии такого сообщества даже проживание в мигрантских гетто не приводит к встраиванию в контркультуру и обеспечивает более позитивные жизненные траектории мигрантов второго поколения – например, экономическую интеграцию в американский средний класс.

Модель сегментной ассимиляции, альтернативная встраиванию в средний класс, предполагает незавидный сценарий попадания в молодежные банды. Три фактора, по мнению авторов теории сегментной ассимиляции, повышают вероятность подобного исхода.

Во-первых, дискриминация, связанная с расовыми отличиями. Особенно серьезно ее ощущает, по мнению авторов теории сегментной ассимиляции, чернокожее население. Результаты исследования иммигрантской молодежи в США, проведенного в 1996 году, показали, что более 60% респондентов среди мексиканцев и чернокожих выходцев с карибских островов испытывали дискриминацию по отношению к себе и до 60% из тех, кто испытывал дискриминацию, считает, что будут подвергаться дискриминации в будущем вне зависимости от того, насколько они будут образованными [8]. Схожие результаты были получены и в аналогичном исследовании 1992 года [9].

Во-вторых, изменения на рынках труда. Теоретики сегментной ассимиляции исходят из того, что деиндустриализация и развитие сервисной экономики ведут к так называемому рынку труда в виде песочных часов (hourglass labour market). Подобный рынок предъявляет спрос в первую очередь либо на высококвалифицированных работников, либо на низкоквалифицированных, занятых неквалифицированным физическим трудом. Спрос на работников средней квалификации между этими двумя крайними точками постепенно вымывается, что существенно ограничивает возможности восходящей мобильности для детей современных иммигрантов, в отличие от иммигрантов прошлых поколений.

Наконец, в-третьих, социальный контекст мигрантских внутригородских районов (inner city) с характерной для них нищетой и контркультурой, отрицающей «ценности белых» - хорошее образование, работу, карьеру - и противопоставляющей им маргинальный образ жизни, связанный с наркотиками и преступностью. Именно ассимиляция в подобный культурный контекст может привести к нисходящей мобильности и люмпенизации, а также к появлению «оппозиционной культуры» среди тех, которые чувствуют себя исключёнными из мейнстрима [10].

В рамках теории сегментной ассимиляции выделяется три типа межпоколенческих отношений, связанных с моделями аккультурации, выбираемыми различными поколениями. Противоречивая (диссонансная) аккультурация, характеризующаяся межпоколенческим разрывом, рассматривается как наименее благоприятная траектория для второго поколения. В ее рамках дети мигрантов быстро встраиваются в американскую культуру и осваивают языковые компетенции, тогда как родители замыкаются в рамках этнических

институтов. Если пользоваться классификацией Берри, дети выбирают модель ассимиляции, тогда как родители - модель сепарации. Это приводит к существованию поколений в разных культурных мирах, потере коммуникации между ними (в том числе и языковой: дети не говорят на родном языке, родители плохо знают английский). Подобная ситуация может привести к тому, что дети стыдятся своих родителей. В то же время в таких условиях дети вынуждены служить проводниками и посредниками для родителей в общении с принимающим обществом, что фактически приводит к смене поколенческих ролей. Особенно сложная ситуация возникает в том случае, когда родители одновременно ощущают межпоколенческий разрыв с детьми и не имеют поддержки этнического сообщества. И хотя некоторые дети мигрантов, особо талантливые или удачливые, в рамках такой модели достигают успехов в школе и на рынке труда, риски нисходящей мобильности - наркомании, попадания в уличные банды, ранней беременности, отсутствия образования - в подобном случае высоки.

Созвучная (консонантная) аккультурация предполагает сохранение семейной солидарности и осуществляется в двух формах. Либо и родители, и дети воспринимают английский язык и американские нормы жизни, отрываясь от этнических корней - другими словами, и первое, и второе поколение выбирают модель ассимиляции. Это характерно в первую очередь для иммигрантов с высоким человеческим капиталом, не испытывающих сильной расовой дискриминации. Либо оба поколения противятся какой-либо аккультурации и выстраивают жизненные стратегии в рамках этнического сообщества, то есть выбирают сегрегацию. Для американского общества, по мнению сторонников теории сегментной ассимиляции, последняя модель не характерна.

Селективная аккультурация, которую теоретики сегментной ассимиляции рассматривают как наиболее многообещающую, предполагает, что оба поколения постепенно осваивают английский язык и культуру, но при этом не забывают также язык и ценности родной страны, сохраняя связи в рамках этнического сообщества. Эта модель замедляет процесс американизации, позволяет гордиться своей этнической идентичностью, поддерживает авторитет родителей, при этом давая возможность обоим поколениям постепенно приспосабливаться к новой жизни. Фактически речь идёт, в терминах Берри, о модели интеграции как совместном выборе и отцов, и детей.

В теории сегментной ассимиляции выделяются три исходных фактора, от которых зависит мобильность мигрантов в принимающем обществе - человеческий капитал, структура семьи и способы инкорпорации. Если первое поколение мигрантов добивается положения,

характерного для среднего класса, то для второго поколения характерна полная аккультурация, а также занятость в сфере предпринимательства либо выполнение квалифицированной работы, а третье и последующие поколения окончательно интегрируются в экономический и социальный мейнстрим (термин интеграция в данном случае используется как синоним ассимиляции). В случае, если первое поколение мигрантов становится частью рабочего класса, и существуют сильные мигрантские этнические сообщества, второе поколение, проходя через процесс селективной аккультурации, достигает положения среднего класса благодаря образованию, а третье и последующие поколения полностью интегрируются в мейнстрим. Если же при тех же вводных мигрантские этнические сообщества слабы, для второго поколения характерна диссонансная аккультурация, низкие образовательные результаты, а третье и последующие поколения характеризуются нисходящей мобильностью в маргинальные сегменты рабочего класса (или отсутствием восходящей мобильности в случае, если старшие поколения также не поднялось выше этих сегментов) либо в люмпенский слой.

Отношение к теории сегментной ассимиляции в академических кругах неоднозначно. Она признаётся одним из значимых концептуальных подходов в рамках миграционных теорий. В то же время ее воспринимают как чересчур пессимистичную. Так, по мнению Р. Альбы и В. Ни, данная теория преувеличивает масштабы люмпенизации в среде городских афроамериканцев. «Разумеется, чернокожие люмпены могут оказывать большее влияние на формирование культуры центральных городских районов, чем позволяет предположить их число. Однако подавляющее большинство взрослых афроамериканцев и латиносов постоянно работают, имеют семью и стремятся к лучшему будущему для своих детей. Для этой группы в центральных городских районах свойственные среднему классу стремления и нормы являются важной чертой повседневной жизни» [11: 8].

Были также попытки проверить теорию сегментной ассимиляции на различных базах данных, не совпадающих с теми, которые использовались в рамках обоснования данной теории. Так, Р. Валдингер и С. Филисиано [12] утверждают, что слабым звеном теории сегментной ассимиляции является то, что в обследовании, на результатах которых она базируется, не были включены белые американцы. Они приводят результаты опроса молодых жителей Нью-Йорка, среди которых были потомки иммигрантов, а также белые американцы, чернокожие американцы и американцы испанского происхождения. В соответствии с этими результатами, неконформистское поведение характерно для всех этих групп, а не только для тех, кого в рамках теории сегментной ассимиляции считают источником контркультурных тенденций.

Ещё одна теория, также появившаяся в 1990-х годах и поставившая под вопрос валидность классической теории ассимиляции, но уже с других позиций, чем теория сегментной ассимиляции - это теория трансмиграции или транснационализма. Эта теория утверждает, что мигранты не полностью принадлежат своей новой родине, но являются частью транснациональных сетей, существуют одновременно «здесь» и «там», и это ключевым образом влияет на их адаптацию в принимающем обществе. Транснационализм означает, что для мигрантов открываются пути успешной адаптации в принимающем сообществе, отличные от ассимиляции. Их экономический успех во многом зависит не от укоренения на своей новой родине, но от того, насколько они способны поддерживать сильные социальные связи поверх национальных границ. Так, мигранты в США могут вести дела транснационально, не обладая хорошим знанием английского языка и оставаясь на маргинальных позициях по отношению к американскому мейнстриму.

Это не значит, однако, что транснационализм всегда противостоит интеграции. Индивид может выступать носителем разных идентичностей, не ограниченных государственными рамками, но при этом быть интегрированным в страну проживания. Однако, если приезжие подвергаются сегрегации и расовым преследованиям, транснациональные мигранты усиливают контакты со страной происхождения и переносят туда свою экономическую деятельность, поскольку они чувствуют принадлежность в первую очередь к своей старой родине, а не к стране проживания (обзор данных вопросов см. в [13]).

Очевидно, теория транснационализма оказала влияние на многие теоретические конструкции в различных отраслях знаний. Что касается миграционных теорий, то она не только вызвала сомнения в реалистичности надежд на массовую ассимиляцию мигрантов, но и вообще поставила под вопрос адекватность анализа в рамках таких категорий, как «государство» и «нация». В то же время эта теория в 1990-х годах стала предметом оживленных дискуссий. Ее оппоненты, так же как и некоторые сторонники, видели серьезные риски в том, что она охватывает чересчур широкий спектр вопросов, и в результате говорит «ничего обо всем», совпадая по своей проблематике с глобализацией и интернационализацией. Отмечалось также, что контакты мигрантов со страной происхождения - далеко не новый феномен, и непонятно, почему это явление именно сейчас привлекает столь пристальное внимание. В то же время необходимо отметить, что дискуссии вокруг проблематики транснационализма, активно ведущиеся в 1990-е и в начале 2000-х, в последующий период практически сошли на нет. Более поздние публикации в основном представляют собой обзоры ранее вышедших работ и упорядочивание высказанных в них идей либо анализ конкретных вопросов в логике транснационализма.

Таким образом, можно констатировать, что начиная с 1990-х годов исследования адаптации мигрантов получают новый импульс. Теория ассимиляции в менее линейных формах возвращается в академическую повестку. Так, теория сегментной ассимиляции признает, наряду с ассимиляцией в мейнстрим, также возможность ассимиляции в контркультуры и связанную с ней перспективу нисходящей мобильности второго поколения мигрантов. В то же время теория трансмиграции или транснационализма стремится опровергнуть представления о широкомасштабной ассимиляции, подчёркивая, что мигранты формируют социальные пространства поверх национальных границ, поддерживая устойчивые связи со страной происхождения и с мигрантскими группами в других странах, что существенно воздействует на их идентичность и способы вписывания в принимающее общество. Новую популярность получают подходы, рассматривающие многообразие стратегий адаптации мигрантов. Так, достаточно широко используется в исследованиях подход Джона Берри, выделяющего четыре модели аккультурации мигрантов: ассимиляцию, интеграцию, сепарацию и маргинализацию, по-разному отвечающие на вопросы об отношении к собственной культуре и к контактам с принимающим обществом.

2. Основные траектории адаптации северокавказских мигрантов в Санкт-Петербурге

С целью изучения того, насколько имеющиеся теории способны описать процесс внутренней инокультурной миграции, было проведено полевое исследование среди северокавказских мигрантских сообществ Санкт-Петербурга. Всего исследованием было охвачено 86 информантов в рамках индивидуальных интервью, коллективных интервью и групповых дискуссий. Подавляющее большинство из них - дагестанцы (чеченцы - 2; ингуши - 9, осетины - 14). Кроме того, было проведено 5 экспертных интервью и несколько включённых наблюдений. С некоторыми информантами (в том числе ингушами и осетинами) было организовано по несколько встреч. В целом в рамках исследования был соблюден поколенческий и гендерный баланс информантов.

В реакции на город со стороны северокавказских мигрантов первого поколения в Санкт-Петербурге обращает на себя внимание сочетание на первый взгляд взаимоисключающих моментов. С одной стороны - практически единодушное позитивное восприятие города. С другой стороны, у многих собеседников определенные аспекты городского социума и те отношения в городе, в которые им приходилось встраиваться, вызывали резкое отторжение. В основном это было связано с двумя проблемами - с ощущением дискриминации и с культурной дистанцией.

О различных формах дискриминации, о предвзятом отношении речь шла во многих интервью. Слово «чурка» и другие обидные прозвища приходилось слышать значительному числу информантов. Изначально предполагалось, что если человек приехал с Кавказа, то он неуч, малограмотный. Собеседников обижало, что многие люди вокруг не знали, что Дагестан или Осетия - это Россия, и относились к ним как к иностранцам, а не как к согражданам, создавая ощущение, что они здесь гости. Отмечался и негативный фон в отношении кавказцев в СМИ.

Упоминались и случаи более серьезного ущемления прав - при выдаче кредитов, при аренде (и даже продаже!) квартир (используется формулировка - для граждан России, *но мы понимаем, что это не для нас*), при устройстве на работу. Особые сложности возникают, когда речь идёт о силовых структурах либо о вариантах, где требуется проверка службы безопасности.

Говорилось, что для выходцев с Кавказа очень сложно попасть в госструктуры, а если это и возможно, то ценой отказа от своей кавказской идентичности. *Я понимаю, что я в этой структуре никогда своим не буду, а если и буду, то мне придётся от всего своего*

отказаться (муж., мол. возр., дагестанец). Хотя при этом пришлось общаться с дагестанцем, работающим в муниципальной администрации и сохраняющим как кавказские традиции, так и хорошие отношения с односельчанами.

В то же время информанты отмечали, что подобные проявления дискриминации в меньшей степени характерны для повседневных отношений между людьми и в целом не носят системного характера. Так, девушка, которая рассказывала, что преподаватель в ВУЗе назвала ее чуркой, тут же оговорила, что другие преподаватели относились к ней вполне позитивно, рассказывали, что на Кавказе красиво, что они хотят туда поехать, что у них там есть друзья. Кроме того, информанты вполне допускали, что сами преувеличивают негативное отношение к ним в городе, и это во многом их собственные комплексы.

Если говорить об ощущение культурной дистанции у северокавказских мигрантов в Санкт-Петербурге, то доминирующим отношением здесь является противопоставление. Первоначальный миграционный шок во многом связан здесь именно с восприятием городской среды как культурно чуждой, что может вызывать отрицание, отторжение. *Вначале мне было тяжело. Где-то первый год. ... Потому что новая атмосфера, менталитет другой. ... Во всем абсолютно, кардинально отличается. Другие традиции* (муж., мол. возр., осетин).

Как приезжие с Северного Кавказа реагируют на это ощущение культурной дистанции? Можно выделить по меньшей мере три типа реакций.

Во-первых, это сепарация (по Берри), то есть стремление отгородиться от правил и норм принимающего сообщества, замкнуться в кругу соотечественников (людей своего этноса или хотя бы кавказцев), с которыми объединяют общие представления и традиции. Судя по результатам полевого исследования, сепарация как форма аккультурации в Санкт-Петербурге достаточно распространена. Некоторые студенты-информанты рассказывали, что сразу по приезде целенаправленно искали людей своей этнической группы, этнические организации, чтобы попасть в близкую культурную среду. Все их близкие друзья - представители своего этноса. *Тебе не хватает в любом случае частички своей родины, и ты компенсируешь это футбольной командой осетинской, общением с осетинами. В любом случае нужно поддерживать общение со своими соотечественниками* (муж., мол. возр., осетин). Причём даже те, кто вполне адаптирован к жизни в городе с точки зрения рутин и современных технологий (например, высококвалифицированные мигранты, освоившие современные инструменты поиска работы), могут культурно не до конца принимать город и предпочитать общение в привычной культурной среде, в рамках этнических организаций, не особо сближаясь с коллегами по работе.

Ещё более серьезно, чем при формировании круга общения, стремление к консервации собственных культурных норм влияет на приоритеты при выборе брачного партнера. *Не хочется тратить время на объяснение всех обычаев, традиций* (жен., мол. возр., дагестанка). Причём информанты подчеркивали необходимость именно культурной, не обязательно этнической близости. Если человек других этнических корней способен воспринять кавказскую культуру или культуру соответствующей этнической группы, с ним можно создавать семью. Одним из ярких проявлений сепарации является желание мигрантов воспитывать детей (особенно сыновей) в Дагестане.

Во-вторых, это культурная экспансия, то есть стремление навязать свои культурные нормы окружающим людям. Некоторые из наших собеседников вполне позитивно говорили о собственном подобном поведении, не рефлексировав его как попытки культурной экспансии и считая, что тем самым вызывают уважение окружающих. Один ингуш вспоминал, как в ВУЗе на лекции он ударил другого студента, поскольку тот неуважительно вёл себя по отношению к преподавателю. По его мнению, после этого инцидента все стали хорошо к нему относиться, но вполне возможно, что на самом деле его просто боялись. Другой рассказывал, как после того, как его сын вступил в конфликт с пожилой женщиной (бабушкой) во дворе, он вместе с сыном настойчиво пытался с ней поговорить, хотя женщина всячески этого избегала, боясь выяснения отношений. Когда информант наконец вынудил ее вступить в коммуникацию, он объяснил, что хотел не ссориться с ней, но отругать сына в ее присутствии и сказать, что она может воспитывать его ребёнка и даже побить его как своего собственного, и что если конфликт будет продолжен, он серьезно накажет сына. Недавно приехавший с Кавказа дагестанец пытался внушить местным, что они неправильно относятся к родителям. *Приходится объяснять людям, которые не понимают* (муж., мол. возр., дагестанец). Очевидно, подобная реакция является потенциально наиболее конфликтной и может иметь серьезные негативные последствия.

Наконец, в-третьих, это приспособление, стремление принять новое культурное окружение и приспособиться к нему.

— *Где-то надо себя поменять, где-то.*

— *А вот в чем именно поменять?*

— *В характере. Вспыльчивость - у нас она есть.*

— *Получается себя менять?*

— *Да. Если стараться - все получается* (муж., мол. возр., дагестанец).

Подобное изменение себя может и не доходить до полного принятия культуры мегаполиса – так, автор высказывания выше практикует попытки культурной экспансии. Тем не

менее, именно такая реакция на культурную дистанцию позволяет постепенно встраиваться в городское сообщество - то, что раньше воспринималось как «неправильно», теперь становится просто «по-другому». По сравнению с Северным Кавказом, где традиции и нормы давят на человека, требуя от него соответствия заданным культурой моделям поведения, в Петербурге жизнь некоторыми респондентами воспринимается как более простая, менее зарегулированная.

Таким образом, приезжающие с Северного Кавказа мигранты оказываются в чуждой культурной среде, сталкиваются в той или иной мере с предубеждениями и дискриминацией, фиксируют несовместимость многих местных культурных норм с кавказскими, что вызывает как отторжение, так и принятие, стремятся так или иначе адаптироваться к новым условиям, пытаются определить для себя формы и границы аккультурации, либо замыкаясь в собственной культурной среде (сепарация), либо диверсифицируя круги общения (интеграция). Однако при анализе этого процесса необходимо учитывать, что и интеграция может осуществляться в различные сегменты городской культуры. Так, это наглядно проявляется в брачном поведении – кроме традиционной стратегии и индивидуальной стратегии (когда человек выбирает партнера сам), существует третья стратегия, когда брачный партнёр ищется среди единоверцев. В данном случае культурная специфика имеет значение, однако здесь речь идёт не об этнических традициях отправляющего общества, а о глобальной исламской культуре.

Феномен аккультурации не в мейнстрим принимающего сообщества, а в отдельные сегменты и субкультуры в его рамках - в данном случае в исламский - не получил должного отражения в миграционных теориях, хотя на отдельные примеры подобной аккультурации, безусловно, так или иначе обращалось внимание. Собственно, единственной попыткой осмыслить данный феномен на концептуальном уровне является рассмотренная выше теория сегментной ассимиляции, демонстрирующая, что мигранты второго поколения могут вписываться не только в доминирующую культуру, но и в сложившиеся в принимающем обществе контр-культуры, и это может иметь негативные последствия для перспектив их мобильности. Однако в данном случае речь идёт о несколько ином явлении. Во-первых, мы говорим здесь не только о мигрантах второго поколения. Во-вторых, отличными от мейнстрима (который и сам размывается в рамках современной городской культуры) могут быть не только контр-культуры, противопоставляющие себя господствующему культурному тренду, но и отдельные сообщества и субкультуры, имеющие определённую культурную специфику не обязательно конфронтационного характера. Эта специфика, тем не менее, может более или менее существенно влиять на процессы адаптации мигранта в городе.

Наряду с исламским сообществом, к сообществам, обеспечивающим специфические траектории аккультурации, можно отнести спортивные. Для северокавказцев речь в первую очередь идет о спортивных направлениях, связанных с силовыми единоборствами. Как правило, у молодых дагестанцев, которые приезжают в Санкт-Петербург уже после окончания школы, есть за плечами определенный опыт участия в силовых единоборствах. Значительную часть времени молодые мигранты проводят в микросоциуме с понятными для них нормами поведения и общаются с людьми, разделяющими схожие принципы и взгляды на жизнь. Некоторые это впоследствии помогает устроиться в городе за счет накопленного в ходе спортивной карьеры социального капитала, другие же в результате приоритета спорта над образованием и повышением квалификации остаются в рамках малоквалифицированного и низкооплачиваемого сегмента рынка труда.

Заметим, что первичная аккультурация требует от мигрантов различного объема усилий и разного по продолжительности времени. Это может определяться как спецификой культурной дистанции в зависимости от принадлежности не только к определенному этносу, но даже и к более или менее модернизированной семье, так и индивидуальными психологическими адаптационными способностями.

При этом сложности первоначального периода адаптации определяются не только проблемами культурной дистанции. Чтобы закрепиться в городе, мигрантам необходимо прикладывать большие усилия, мобилизовывать новые ресурсы. Как описывал один информант, поначалу сложно, поскольку ты никого не знаешь - тебя никто не знает, живешь от зарплаты до зарплаты, весь день на стройке, вечером на тренировку, потом ещё какие-то дела. Многие информанты отмечали, что у них практически не остаётся свободного времени, поэтому нет проблемы - где его провести.

Немалые сложности возникают у мигрантов и с жильем. Многие долгие годы не могут обеспечить себя нормальным местом проживания. Один из информантов, приехавший в Петербург в 2009 году, рассказывал, что до сих пор живет с женой и тремя детьми в однокомнатной квартире, хотя и работает на двух работах. Ограничением на приобретение жилья для многих является недопустимость кредита по исламу, в результате чего они не считают возможным взять ипотеку.

Не всем информантам с первого раза удавалось успешно встроиться в учебный процесс, устроиться на подходящую работу либо организовать жизнеспособный бизнес. Многие говорили о частой смене места приложения труда, причём найти что-либо приемлемое удавалось лишь тогда, когда человек обрастал местными связями. Длительная неустроенность могла приводить к кризису адаптации, потере веры в свои силы, стремлению вернуться на родину. И не все были способны успешно этот кризис преодолеть.

Культурная дистанция, которая вызывает проблемы у мигрантов первого поколения, в то же самое время способствует созданию предпосылок для ассимиляции второго поколения мигрантов. В Санкт-Петербурге разрыв между поколениями чувствуется достаточно сильно. В отличие от своих родителей, северокавказские мигранты второго поколения с малолетства воспринимают городские культурные паттерны и вполне органично в них встраиваются. Отношение к городу здесь уже лишено той двойственности, которая характерна для мигрантов первого поколения.

Судя по всему, воспитание в семье во многих случаях не может что-то всерьёз противопоставить влиянию большого города. И это ощущают и младшее, и старшее поколение. В разговорах информанты утверждали, что старшие по-прежнему осуществляют контроль в семьях - могут дать или не дать ребёнку возможность выбрать профессию, одобрить или не одобрить кандидатуру брачного партнёра. Однако на вопрос, знают ли они конкретные случаи, когда родители принуждают сына или дочь к выбору профессии, когда по сговору родителей женятся ранее незнакомые друг с другом молодые люди или когда по причине несогласия родственников расстраивались свадьбы, практически все отвечали отрицательно - в Петербурге они таких случаев не знают, в то время как в отправляющих регионах подобное бывало.

Исходя из результатов полевого исследования создаётся впечатление, что межпоколенческий разрыв в мигрантской среде (во всяком случае, в определенной ее части) настолько велик, что родители далеко не всегда понимают, чего хотят их дети и почему совершают те или иные поступки, и потому оказываются не способны их контролировать. А дети далеко не всегда ставят родителей в известность о тех принципиальных решениях, которые принимают в своей жизни, в результате тем приходится просто смириться, как в рассмотренном выше случае девушки-осетинки.

Круги общения у второго поколения мигрантов по сравнению с первым также во многом строятся по-другому. Здесь можно выделить два основных варианта. Часть информантов вообще не стремится устанавливать связи с членами этнического сообщества, не видит такой потребности. *С кавказцами особо чего-то не общаюсь. Их вообще мало вокруг меня* (жен., мол. возр., осетинка). Круги общения интернациональны. У одной из информанток подруги в основном русские и еврейки, у другой самые близкие - молдаванка и азербайджанка. При этом продолжается тесное общение с родственниками, о которых информанты отзываются с большой теплотой. Другие представители второго поколения мигрантов, также имея мультиэтничные круги общения, в то же время взаимодействуют с этническими организациями, поддерживают тесные отношения с представителями своей этниче-

ской группы. Однако для них это не способ реализации стратегии сепарации. *В жизни отношения с дагестанцами и недагестанцами абсолютно одинаковые. У нас нету никаких границ, кроме религии. Все остальное у нас абсолютно адекватно* [информант, судя по всему, имеет в виду 'идентично'], *совместно, нет никаких сложностей в общении, предвзятости какой-то я никакой не ощущаю* (муж., мол. возр., дагестанец). Скорее таким образом второе поколение реализует себя в общественной деятельности либо вполне осознанно использует выгоды, связанные с наличием семейного и этнического социального капитала.

Сохранению ориентации на свою этническую группу способствует поддержание тесных связей с отправляющим регионом - об этом говорили практически все информанты. Феномен трансмиграции, транснационализма является чрезвычайно распространённым. На Северный Кавказ большинство наших собеседников ездят достаточно много - по несколько раз в год. Стремятся как можно чаще проведать оставшихся там родителей; участвуют в значимых социальных мероприятиях - свадьбах, похоронах; молодежь (в том числе второго поколения) регулярно проводит там каникулы. Среди северокавказских общин принято хоронить умерших в Санкт-Петербурге на родине. Так, информанты - мигранты из одного из дагестанских сельских сообществ - утверждали, что все свадьбы по-прежнему проводятся в селе и всех умерших увозят туда хоронить. Тем самым нормы и правила, свойственные отправляющему обществу, по-прежнему достаточно активно присутствуют в их жизни выходцев с Северного Кавказа.

Ещё одна форма сохранения влияния культуры отправляющего общества на семьи мигрантов, как уже упоминалось выше - отправка туда детей на длительные сроки в дошкольном либо школьном возрасте. Это может быть связано с чрезмерной занятостью в городе и стремлением снизить нагрузку, но может определяться и желанием избежать чрезмерной эмансипации, о которой шла речь выше.

Контакты с отправляющим обществом не ограничиваются рассмотренным выше вариантами. Информанты нередко упоминали, что из дома им присылают характерные для кавказской кухни продукты питания, поскольку в Петербурге не удаётся найти национальные продукты приличного качества (так, женщины-осетинки говорили, что в городе нет мест, где вкусно готовят осетинские пироги, а кавказские сыры безобразного качества). Продукты и денежные переводы являются в том числе и формами поддержки студентов и молодых специалистов, пытающихся закрепиться в городе. Обратные финансовые трансферты от трудовых мигрантов также имеют место. Заработанные деньги могут вкладыв-

ваться, в частности, в строительство дома на родине. Местные выходцы с Северного Кавказа оказывают помощь тем, кто приезжает из их регионов на лечение или по каким-то другим неотложным надобностям.

Экономические связи с отправляющими регионами также в той или иной мере сохраняются. У некоторых информантов на Северном Кавказе остаётся совместный с родственниками или друзьями бизнес, в котором они продолжают принимать участие. Для принадлежащих мигрантам магазинов и ресторанов, специализирующиеся на кавказских изделиях и кавказской кухне, по меньшей мере часть товаров поставляется с Северного Кавказа (даже не обязательно из родного региона). Так, бизнесмен-ингуш, владелец четырёх точек общественного питания в Петербурге, говорил, что молоко он закупает на Кавказе - в Ингушетии, Чечне и Дагестане, а мясо в Петербурге, но у мигрантов-ингушей, фермеров.

Столь тесные связи с северокавказскими регионами создают для мигрантов в Петербурге дополнительные развилки и жизненные пути, не предопределяя однозначно, что Петербург должен окончательно стать их новой родиной. Возвращение на Северный Кавказ возможно на самых разных этапах жизненной траектории. У кого-то вообще не получилось закрепиться в городе; кто-то собирается вернуться после окончания ВУЗа; кто-то возвращается, заработав деньги (например, на свадьбу). Некоторые строят планы по возвращению с возрастом, когда выйдут на пенсию. У кого-то момент возвращения определяется теми обязательствами, которые существуют на родине - например, помощью престарелым родителям. При этом не всегда первоначальные планы реализуются - есть, например, информанты, которые приехали в Петербург на заработки, планируя скоро вернуться, но в результате осели надолго. Для кого-то переезд домой оказывался временным - преодолев жизненный кризис, человек возвращается в Петербург и продолжает более или менее успешные попытки адаптироваться в городе. В то же время есть определенная часть мигрантов, для которых Петербург воспринимается как их осознанный окончательный выбор.

Заключение

Подведем итоги. Проведённое исследование процессов адаптации северокавказских мигрантов в мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга) позволило выявить механизмы встраивания мигрантов в социальную и культурную среду принимающего общества и оценить возникающие в связи с этим проблемы. Для осмысления результатов исследования предполагалось использовать три теоретических конструкта: концептуализацию стратегий аккультурации Дж. Берри; теорию сегментной ассимиляции и теорию трансмиграции (транснационализма).

Выяснилось, что данные подходы в разной степени эффективны для решения поставленных перед исследованием задач. Теория аккультурации Берри оказалась весьма полезным, хотя и достаточно грубым инструментом, позволяющим, тем не менее, охарактеризовать разницу в процессах адаптации первого и второго поколения мигрантов, а также мигрантов в мегаполисе по сравнению с мигрантами в меньших городах и более близких к Кавказу регионах. То же можно сказать и о теории трансмиграции - анализ в ее рамках позволяет более полно понять источники сохраняющегося влияния норм и институтов, характерных для отправляющих регионов, в мигрантских сообществах, а также дизайн этнических сетей.

В отличие от указанных выше моделей, теория сегментной ассимиляции в ее классическом виде оказалась неприменима для анализа ситуации с северокавказскими мигрантами в мегаполисе. Это связано с тем, что, во-первых, основные проблемы с адаптацией, выявленные в рамках настоящего исследования, связаны с первым, а не со вторым поколением мигрантов, тогда как теория сегментной ассимиляции объясняет негативные процессы адаптации второго поколения. Во-вторых, теория сегментной ассимиляции предполагает существование в принимающем обществе собственных контркультур, которые затем воспринимаются мигрантами. Подобные массовые контркультуры в Санкт-Петербурге не обнаружены.

В то же время культурное разнообразие мегаполиса, если и не ставит под сомнение наличие мейнстрима или доминирующей культуры в принципе, то по меньшей мере предполагает существование специфических культурных сред (субкультур), не являющихся протестными контркультурами, но имеющих очевидные культурные особенности. Встраивание в мегаполис через подобные среды - явно недостаточно изученный и теоретически осмысленный феномен. В ходе исследования были выявлены две субкультуры, играющие важную роль в адаптации северокавказских мигрантов - исламская и спортивная (спортивные единоборства).

На основе результатов исследования можно заключить, что основной фактор, влияющий на аккультурацию выходцев с Северного Кавказа - культурная дистанция между отправляющим регионом и мегаполисом, которую так или иначе упоминали почти все мигранты первого поколения. Реакция мигрантов первого поколения на наличие культурной дистанции проявляется в трёх основных формах:

— сепарация: стремление замкнуться в привычной культурной среде (среди представителей своего этноса или кавказцев в целом), максимально отгородившись от чуждого культурного влияния;

— культурная экспансия: стремление навязать собственные культурные нормы окружающим;

— культурная адаптация к непривычному окружению: стремление приспособиться к культурной среде мегаполиса, принять новые нормы.

При этом мигранты с Северного Кавказа в Санкт-Петербурге как первого, так и последующих поколений транснациональны - они сохраняют устойчивые тесные связи с отправляющим регионом, что неизбежно способствует поддержанию этнических норм и традиций в их среде.

Благодарность

Материал подготовлен в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС на 2022 год по научному направлению «Региональная и городская экономика. Пространственное развитие Российской Федерации и перспективные модели региональной политики».

Список литературы

1. Berry, J. W. *Acculturation. A Personal Journey across Cultures.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 66 p.
2. Berry J. W. A psychology of immigration // *Journal of social issues.* – 2001. – Vol. 57. – No. 3. – P. 615-631.
3. Berry J. W. Contexts of acculturation // *The Cambridge handbook of acculturation psychology* – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – P. 27–42.
4. Phinney J. S. et al. *The Acculturation Experience: Attitudes, Identities and Behaviors of Immigrant Youth.* // *Youth in Cultural Transition: Acculturation, Identity, and Adaptation across National Contexts* – London: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. – P. 71–116.
5. Berry J. W. et al. Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation // *Applied psychology.* – 2006. – Т. 55. – №. 3. – С. 303-332.
6. Лепшокова З. Х. Воспринимаемая инклюзивность социального контекста, аккультурация и адаптация мигрантов из Северного Кавказа в Москве // *Общественные науки и современность.* – 2020. – №. 3. – С. 124-138.
7. Portes A., Zhou M. The new second generation: Segmented assimilation and its variants // *The annals of the American academy of political and social science.* – 1993. – Vol. 530. – No. 1. – P. 74-96.
8. Portes A., Fernandez-Kelly P., Haller W. Segmented assimilation on the ground: The new second generation in early adulthood // *Ethnic and racial studies.* – 2005. – Vol. 28. – No. 6. – P. 1000-1040.
9. Rumbaut R. G. The crucible within: Ethnic identity, self-esteem, and segmented assimilation among children of immigrants // *International migration review.* – 1994. – Vol. 28. – No. 4. – P. 748-794.
10. Zhou M. Segmented assimilation: Issues, controversies, and recent research on the new second generation // *International migration review.* – 1997. – Vol. 31. – No. 4. – P. 975-1008.
11. Alba R. D., Nee V. *Remaking the American mainstream.* – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009. – 384 p.

12. Waldinger R., Feliciano C. Will the new second generation experience 'downward assimilation'? Segmented assimilation re-assessed //Ethnic and Racial Studies. – 2004. – Vol. 27. – No. 3. – P. 376-402.

13. Tedeschi M., Vorobeva E., Jauhiainen J. S. Transnationalism: current debates and new perspectives //GeoJournal. – 2020. – Vol. 87. – No. 2. – P. 1-17.

**В СЕРИИ ПРЕПРИНТОВ
РАНХиГС РАССМАТРИВАЮТСЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К СОЗДАНИЮ, АКТИВНОМУ
ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ИННОВАЦИЙ В РАЗЛИЧНЫХ
СФЕРАХ ЭКОНОМИКИ
КАК КЛЮЧЕВОГО УСЛОВИЯ
ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ